

В. Г. Белинский

Славянский сборник

Виссарион Белинский
Славянский сборник

«Public Domain»

1845

Белинский В. Г.

Славянский сборник / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1845

Н. В. Савельев-Ростиславич – историк, воспитанник Московского университета, ученик Ф. Л. Морошкина и последователь Ю. И. Венелина. Его «Славянский сборник» посвящен критике и разоблачению «норманнской теории» происхождения Руси. Как и Венелин и Морошкин, Савельев-Ростиславич был склонен к различным фантастическим гипотезам, касавшимся древнейшего периода славянской истории. Белинский считает споры норманистов и антинорманистов в значительной степени не заслуживающими особого внимания. Подвергая в статье критике и осмеянию прежде всего приемы искусственной историко-археологической интерпретации древнейших сведений о Руси и славянах в работах Венелина, Морошкина и Савельева-Ростиславича, Белинский вместе с тем не совсем правомерно обращает свою статью против славянофильства как направления общественной мысли в России 1840-х гг. в целом.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. Комментарии	8

Виссарион Григорьевич Белинский

Славянский сборник

Н. В. Савельева-Ростиславича. Санкт-Петербург. 1845.

Трепещите и кланяйтесь, читатели! Вы готовитесь иметь дело с книгою, которая – бездна премудрости, океан учености... Вообразите: одних примечаний *полторы тысячи!*.. Предмет книги самый ученый – славянский мир, иначе славянщина, или словенщина... Цель книги – восстановление русской народности, будто бы съеденной врагами нашими, немцами; вождевленное восстановление это торжественно совершается книгою через решение вопроса, что варяго-русы были не немцы, а славяне, – чистые, породистые славяне, без всякой немецкой или другой какой еретической примеси. Средства книги – страшная эрудиция, неслыханная начитанность. Не знаем, как вам это покажется, но что касается до нас, мы нисколько не испугались этой книги. Ученость – вещь почтенная, и мы сочли бы варваром, готтентотом всякого, кто без уважения стал бы смотреть на ученость; но ученость учености рознь: есть ученость истинная, светлая, плодотворная и благотворная и есть ученость ложная, мрачная, бесплодная, хотя и работающая. Через ученость люди доискиваются истины; через ученость доискивался истины Фауст, тревожимый внутренними вопросами, мучимый страшными сомнениями, жаждавший объять, как друга, всю природу, стремившийся добраться до начала всех начал, до источника жизни и света, и бестрепетно пускавшийся в беспредельный и невещественный мир *матерей*^[1] – первородных чистых идей. Но через ученость же добивался истины и Вагнер, человек узколобый, ограниченный, слабоумный, сухой, без фантазии, без сердца, без огня душевного, прототип педанта, представитель всех возможных Тредьяковских, изобретателей русских гекзаметров на греческий лад и русских октав на итальянский манер...^[2] К чему ни прикоснется Вагнер – все иссыхает и гниет под его мертвую руку: цветы теряют свои краски и благоухание, красота превращается в мертвый аппарат, нравственность становится скучным жеманством, истина – пошлою сентенциею... Глядя на Вагнера, особенно слушая его, чувствуешь невольное отвращение к науке и к учености: так противеет в глазах ваших красивый, благоухающий, вкусный и сочный плод, если по нем проползет отвратительный слизняк...

Вагнеров много, и они разделяются и подразделяются на множество родов и видов. Мы имеем теперь в виду только один род этих, впрочем, очень любопытных людей. Сохраняя общие родовые признаки всех Вагнеров, то есть ограниченность, слабоумие, сухость, пошлость, задорливость и фанатизм, – Вагнер, о котором мы хотим говорить в общем типическом смысле, не применяя ни к кому в особенности его характера, – наш Вагнер ко всем этим прекрасным качествам присовокупляет еще ипохондрическую способность впасть в манию какой-нибудь нелепой мысли, какого-нибудь дикого убеждения. Избрав предметом своих занятий, например, историю, он видит в истории совсем не историю, а средство к защищению и оправданию чудовищных идей. Во всех других отношениях существо доброе и нисколько не опасное, – он делается разъяренным, когда он говорит или пишет о своей заветной идее, на которой помешался. Все противники этой идеи – личные враги Вагнера, хотя бы они жили за сто или за тысячу лет до его рождения; все они, мертвые и живые, по его мнению, люди слабоумные, глупые, низкие, злые, презренные, способные на всякое дурное дело. Все ее защитники и последователи, мертвые и живые, по его мнению, люди умные, гениальные, добродетельные, чуть не праведные. Идея его – истинна и непреложна: он ее доказал, утвердил, сделал яснее солнца, – и только люди, ослепленные невежеством или злобою, могут не видеть этого. Говоря о своей идее, как об аксиоме, принятой всем миром, за исключением нескольких невежд и злодеев (хотя бы в самом-то деле, кроме самого Вагнера и его приятелей, или никто и знать не хочет ее, или все смеются над нею, как над вздором), – он сам о себе говорит, как о великом

человеке, великом ученом, великом гении, и, в подтверждение этого, не краснея, вставляет в свою книгу похвалы самому себе, полученные им от своих приятелей, таких же Вагнеров, как и сам он, и в благодарность, с своей стороны, также превозносит их до седьмого неба. Бедный человек, жалкий человек! Хуже всего в нем то, что он от всей души считает себя великим ученым. В самом деле, он усердно занимается своим предметом, много прочел и перечел, знает бездну фактов, – словом, по всем правам принадлежит к числу самых остервенелых книгоедов. Но, несмотря на то, он так же мало имеет права претендовать на титул ученого, как и на звание умного человека. Это не потому только, что Вагнер ограничен и, как говорится, недалек и *пороха не выдумает*: и ограниченные люди могут быть учеными (эмпирически и фактически) и своими посильными трудами, очищая старые факты и натываясь на новые, приносить пользу науке; но потому что Вагнер, о котором мы говорим, в науке видит не науку, а свою мысль и свое самолюбие. Он принимается за науку уже с готовою мыслию, с определенной целью, садится на науку, как на лошадь, зная вперед, куда привезет она его. Мы этим не хотим сказать, чтоб нельзя было приступить к науке из желания оправдать ею свою задушевную мысль, в которой человек убежден по чувству, предчувствию, а priori¹, и которой он хочет, путем науки, дать действительное, реальное существование. Нет, так приступал к науке не один великий человек, и не без успеха; но для этого нужно прежде всего, чтоб задушевная, заветная, пророческая мысль родилась в благодатной натуре, в светлом уме и чтоб она носила в себе зерно разумности; потом необходимо, чтоб приступающий таким образом к науке, для оправдания своей мысли в собственных глазах и глазах всего мира, – вошел в святилище науки с обнаженными и чистыми ногами, не заноса в него сора и пыли заранее принятых на веру убеждений. Он должен, на все время исследования, отречься от всякого пристрастия в пользу своей идеи, должен быть готов дойти и до убивающего ее результата. Человек, который посвящает себя науке, не только может, должен быть живым человеком, в теле, с кровью, с сердцем, с любовью; но у науки не должно быть тела, крови и сердца: она – дух бестелесный, чистый отвлеченный разум, без крови и сердца, без страстей и пристрастий, холодный, строгий, суровый и беспощадный. У нее есть любовь, но своя особенная, ей только свойственная, духовная, идеальная любовь к предмету бесплотному, отвлеченному – к истине, – не к *той* или вот *этой* истине, заранее известной, а к такой, какая сама собою явится результатом свободного исследования. В этом смысле, тип истинного ученого – математик, который, ища неизвестной величины, нисколько не заботится, какая именно будет эта величина и понравится она ему или нет: для него все величины равно хороши, и он добивается именно той, которая *необходимо должна быть* результатом решаемой им задачи. У кого есть любимая мысль и кто *таким образом* оправдывает ее через науку, тот вполне заслуживает высокого и благородного титула ученого; равным образом как и тот, кто умеет отказаться от любимого *убеждения*, если увидит, что оно оказалось, через ученое исследование, предубеждением или заблуждением. Не таковы Вагнеры, о которых мы говорим: они обращаются с наукою, как с лошадью, которую заставляют насильно везти себя куда им нужно или куда им угодно. Любимые мысли их всегда вне науки и ее интересов. Устремят ли они свое исключительное внимание, например, на русскую историю, – не думайте, чтоб их цель была разработать ее материалы, разъяснить ее темные факты или изложить в стройном повествовании ее события. Нет, подобные труды и задачи они охотно предоставляют другим, а сами занимаются вопросами, которые столько же легки для ученой болтовни, сколько пусты в своей сущности. Им, видите ли, нужно непременно узнать, кто были варяго-руссы. Зачем? Для окончательного решения первого вопроса русской истории, какова бы ни была степень его важности? – О, совсем нет! Им это нужно для изъявления их отвращения к немцам и любви к славянскому миру. Как надо решить вопрос – это они знают наперед. Еще не начиная заниматься русскою историей, они уже знали, что варяго-руссы – чистые

¹ заранее (лат.). – Ред.

славяне и что Шлецер с умысла «врал»), называя их норманнами, увлекаемый рейнским патриотизмом. Читая этих господ, так и думаешь, что читаешь писание какого-нибудь брадатого учителя какого-нибудь старообрядческого толка: та же стрелецкая ненависть ко всему иноземному, та же нелепая логика, то же фанатическое исступление в диких убеждениях...

Но это вагнеровское направление становится еще диче, когда к нему примешивается охота сочинять исторические ипотезы и догадки, которые выдаются за непреложные истины на основании натянутых словопроизводств, сближений, цитат и так называемой «исторической логики». Ни одна область науки так не богата чудовищными нелепостями, как область филологии и истории. Происхождение, начало и сродство языков и народов представляют самое обширное поле для произвольных толкований, нелепых догадок и диких заключений. Первоначальная история всех народов покрыта глубоким и непроницаемым мраком, – и потому Вагнерам тут легко одними и теми же доказательствами утверждать самые противоречащие положения. Для этого и невежество и многознание равно служат, и последнее иногда доходит еще до больших нелепостей, нежели первое. По крайней мере последнее увлекает за собою толпы адептов и иногда переходит от поколения к поколению. Ученость этого рода поистине забавна с своими важными исследованиями вопросов, которые в сущности очень неважны, а главное – неразрешимы. Великий наш юмористический поэт, глубокий знаток тех комических слабостей человеческой природы, в которых так трудно уловить тонкую черту, отделяющую генияльность от сумасшествия, – превосходно характеризует манеры и уловки исторических исследователей. Он сделал это, чтоб объяснить происхождение глупых сплетней, которые возникли насчет героя его романа и ни с того ни с сего в глазах сплетниц обратились в достоверность.

Наша братья, народ умный, как мы называем себя, поступает почти так же, и доказательствам служат наши ученые рассуждения. Сперва ученый подъезжает в них необыкновенным подлецом, начинает робко, умеренно, начинает самым смиренным запросом: не оттуда ли? не из того ли угла получила имя такая-то страна? или: не принадлежит ли этот документ к другому, позднему времени? или: не нужно ли под этим народом разуместь вот какой народ? Цитует немедленно тех и других древних писателей и чуть только видит какой-нибудь намек, или показалось ему намеком, уж он получает рысь и бодрится, разговаривает с древними писателями запросто, задает им запросы и сам даже отвечает за них, позабывая вовсе о том, что начал робким предположением; ему уже кажется, что он это видит, что это ясно, – и рассуждение заключено словами: так это вот как было, так вот какой народ нужно разуместь, так вот с какой точки нужно смотреть на предмет. Потом во всеуслышание, с кафедры, – и новооткрытая истина пошла гулять по свету, набирая себе последователей и поклонников («Мертвые души», стр. 362–363)^[3]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

О Матерях-богинях, от которых зависит вновь вызвать в мир Париса и Елену, говорит Мефистофель Фаусту в ч. II трагедии (д. I, эпизод 4). См. об этой сцене подробно в статье «<Идея искусства>» (наст. изд., т. 3, с. 292–293) и в статье второй о народной поэзии (т. 4, с. 146–147). Этот эпизод в «Фаусте» Белинский высоко ценил (см. письмо к В. П. Боткину от 10–11 декабря 1840 г.). Интерпретация этого эпизода во второй статье о народной поэзии послужила предметом нападения со стороны «Северной пчелы» (см. об этом «Литературные и журнальные заметки» (февраль 1843 г.) – наст. изд., т. 5, с. 412).

2.

Прототип педанта. – Здесь это также и прямой намек на С. П. Шевырева (см. памфлет «Педант» в т. 4 наст. изд. и примеч. к нему). Об изобретении русских гекзаметров и октав см. примеч. 18 и 19 к статье «Опыт истории русской литературы... А. Никитенко».

3.

Цитата из гл. IX тома I «Мертвых душ» с небольшими отступлениями от текста.